

На правах рукописи

КОЛЧИНСКИЙ Дмитрий Владимирович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1917 ГОДУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Специальность 07.00.02 –
отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Тамбов – 2015

Работа выполнена на кафедре российской истории в ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Протасов Лев Григорьевич

Официальные оппоненты: **Журавлёв Валерий Васильевич**
доктор исторических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет», профессор
кафедры новейшей истории России

Хайлова Нина Борисовна
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБУН «Институт российской исто-
рии Российской академии наук (ИРИ
РАН)», старший научный сотрудник
Центра «История России в XIX–XX в.»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пензенский
государственный университет» (г. Пенза)

Защита состоится «25» апреля 2015 г. в 10:00 часов на заседании объеди-
ненного диссертационного совета ДМ 212.261.08 при ФГБОУ ВПО «Тамбов-
ский государственный университет имени Г.Р. Державина», ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный технический университет», ФГБОУ ВПО
«Липецкий государственный педагогический университет» по адресу: 392002
Тамбов, ул. Советская, 6, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ
ВПО Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
по адресу: 392002 Тамбов, ул. Советская, 6 и на официальном сайте
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Дер-
жавина» <http://www.tsutmb.ru>

Автореферат диссертации разослан « » марта 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета

Иванова Е.Ю.

ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления революционных событий в истории России, драматических отношений, государства и общества, оценки на этом историческом фоне ценности демократических институтов современной России.

Настоящее исследование представляет собою одну из первых попыток изучения политической культуры российского общества в 1917 г. Локализация объекта и предмета исследования позволяет сочетать преимущества конкретного исследования на доступной для исследователя и территориально ограниченной архивной базе источников с возможностями широкого обобщения. Тамбовская губерния ёмко отражала крестьянскую Россию, с громадным численным преобладанием сельских жителей, а происходившие в ней социально-политические процессы показательны для большинства аграрных регионов России.

Степень изученности темы. Говоря о степени изученности поставленной проблемы, следует исходить из многообразия аспектов, ее составляющих.

В первые годы Советского государства исследователями выступали современники – очевидцы и участники революционных событий¹.

В 1920-е гг. продолжилось накопление эмпирического материала. Исполняя идеологический заказ партии-победительницы, историки провели значительную работу по сбору и систематизации источников, характеризующих революционный процесс 1917 г.² К концу 1920-х гг. появились первые научные работы обобщающего характера, формируются кадры профессиональных историков советской школы. Эти труды еще немногочисленны, посвящены, в основном, изучению аграрной революции³. Среди региональных исследований этого периода следует выделить хронику ре-

¹ В память Великой Октябрьской революции. 25 октября 1917 года – 25 октября 1918 года. Усмань, 1918; Вторая великая годовщина. Козлов, 7 ноября 1919 г.; Третий Красный Октябрь. Итоги трехлетней работы Советской власти в Лебедевском уезде. Лебедянь, 1920.

² Путь борьбы. Сборник первый. Тамбов, 1922; Антоновщина: статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С.В. Евгенова и О.С. Литовского. Тамбов, 1923 и др.

³ Аграрная революция. Т. 2: Крестьянское движение в 1917 году. М., 1928; *Дубровский С.М.* Крестьянство в 1917 году. М.; Л., 1927; *Чаадаева О. Н.* Помещики и их организации в 1917 году. М.; Л., 1928; *Шестаков А.В.* Октябрь в деревне. М., 1925; *Он же.* Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция. 1927. № 5; *Балаиов Д.И.* Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. Воронеж, 1930, и др.

волюционных событий П. Крошицкого и С. Соколова⁴, а так же работы В. Андреева и С. Кулаева⁵, П.Н. Черменского⁶.

Установление в стране сталинского режима обусловило в 1930–1950-е гг. резкое сужение объема исследований в области революционной истории, жестко догматические подходы, в духе «Краткого курса истории ВКП(б)». И все-таки имелись исследования с попытками объективного, в меру возможного, рассмотрения проблем революционного движения, в том числе общественного поведения интеллигенции и служащих в революции⁷.

Политическая «оттепель» конца 1950 – начала 1960 гг. создала некоторые возможности для развития исторической науки, прежде всего в революционной проблематике. «Всплывают» ранее запретные темы, появляются первые работы о политических оппонентах большевиков⁸. В этот период отмечены попытки на разнообразных архивных источниках установить и проанализировать особенности революционного движения разных социальных слоев: не только рабочего класса, но и солдат, интеллигенции, студенчества⁹, рассмотреть вопросы правотворчества и правосознания масс в России, их нравственного сознания¹⁰.

⁴ 1917–1918. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Составители П. Крошицкий и С. Соколов. Тамбов, 1927.

⁵ Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии». Тамбов, 1927.

⁶ Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. Очерк экономики и культуры пореформенного периода: 1861–1917 годы. Тамбов, 1928.

⁷ Зильберг И. Профессиональное движение служащих-фармацевтов. Период первой русской революции. М., 1930; Шейнман В. Положение торговых работников до революции // Вестник советской торговли. 1940. № 4–6; Одесский университет за 75 лет (1865–1940). Одесса, 1940; Степанов А.Н. Участие учительства Петербурга в первой русской революции // Советская педагогика. 1941. № 1; Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 года). М., 1947; Ремезова Т.А. Советы крестьянских депутатов в 1917 году // Исторические записки. 1950. № 2, и др.

⁸ Комин В.В. Банкротство буржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1965; Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966.

⁹ Подобедова Л.А. Первые союзы молодежи (К истории революционной борьбы молодежи в 1904–1920 гг.). Воронеж, 1958; Матвеев М. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1969.

¹⁰ Малькевич В.В. Революционное правотворчество масс в период подготовки Октябрьской революции // Советская юстиция. 1957. №. 3; Королев А.И. Роль народного правотворчества в возникновении советского права // Правоведение. 1958. № 1; Остроумов Г.С. Соотношение правового и политического сознания // Вопросы философии. 1964. № 5; Токарев Ю.С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.–Л., 1965; Емельянова И.А. Советская юридическая литература о революционном правосознании и правотвор-

На общем фоне отметим монографии О.Н. Знаменского, который обратился к изучению поведения, настроений рабочих и солдатских масс Петрограда в период июльского общеполитического кризиса, выделил психологический аспект этого краткого, но чреватого многими последствиями кризиса, исследовал социально-психологическое состояние. В это же время готовилась его книга об общественных настроениях российской интеллигенции в 1917 г.¹¹

Введение в научный оборот новых источников – опросных листов-анкет волостных советов позволило по-иному увидеть взаимоотношения советской власти и крестьян в 1918 г.¹² Обширная информация о времени и механизме создания волостных советов в Тамбовской губернии была введена в научный оборот Г.А. Протасовым¹³. Тамбовскими, как и некоторыми другими, историками был поднят вопрос о роли и месте солдат в революции¹⁴, о выборах в Учредительное собрание в Тамбовской губернии¹⁵. Кульминацией изучения взаимоотношений населения и власти в революции 1917 г. в «оттепельный» период историографии стала книга пензенского историка В.Ф. Морозова¹⁶.

На рубеже 1960–1970-х гг. в изучении отечественной истории XX века наметилось так называемое «новое направление», представители которого попытались выработать более объективное освещение причин российских революций, поставили под сомнение некоторые ортодоксальные

честве народных масс в период с февраля по октябрь 1917 г. // Правоведение. 1967. № 3, и др.

¹¹ *Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 года. М.–Л., 1964; *Он же.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988.

¹² *Абрамов П.Н.* К вопросу о времени создания первых волостных Советов (по материалам центральных губерний РСФСР) // История СССР. 1960. № 5. С. 159–161; *Гришаев В.В.* Создание волостных Советов крестьянских депутатов // Вестник МГУ. 1957. № 4. С. 29–53.

¹³ *Протасов Г.А.* Сведения о времени организации волостных Советов Тамбовской губернии // Наш край. Сборник статей. Выпуск 1. Воронеж–Тамбов, 1964; *Он же.* Анкета крестьянской секции ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для уездного Совета // Там же; *Он же.* Установление Советской власти в Тамбове // Под знаменем Октября. (Из истории установления Советской власти и социалистического строительства на Тамбовщине) // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж. 1966. Вып. 1.

¹⁴ *Комаров А.И.* Борьба большевиков Тамбовщины за солдатские массы в период подготовки Октября // Под знаменем Октября... Вып. 1.

¹⁵ *Протасов Л.Г.* Материалы Тамбовской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание как исторический источник. (К истории борьбы за Советскую власть в Тамбовской губернии) // Там же.

¹⁶ *Морозов В.Ф.* Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России. (Октябрь 1917 г. – март 1918 г.). Пенза, 1967.

схемы о предпосылках и закономерности Октября, о всемирной универсальности его политического опыта. Его представители признавали особую роль стихийной неорганизованности в революции 1917 г.¹⁷

В 1970 – начале 1980-х гг. исследователи обращаются к изучению социальной психологии масс¹⁸. Появилось много работ с нетрадиционными подходами к политической истории студенчества, интеллигенции, железнодорожных служащих¹⁹, кого именовали непролетарскими массами. В 1971 г. вышел сборник статей «История и психология»²⁰, в котором была сделана попытка сопоставительного анализа развития политического сознания российского общества и зарубежных стран.

С 1980-х гг. намечается рост интереса к изучению вопросов массовой политической культуры и общественного сознания как ее части. Заметным событием научной жизни стали конференции по истории «непролетарских» партий в Калинин и Орле, симпозиумы в Тамбове, посвященные месту и роли средних городских слоев в революциях²¹.

В 1990-е гг. начинается современный этап изучения проблемы непосредственного влияния политического сознания, психологии, религии и т.п. на политическую культуру населения России, особенно в 1917–1918 гг. Появляется немало работ, связанных с исследованием содержания социальных представлений, психоментальных механизмов возникновения и развития крестьянского бунта, стереотипов социального поведения крестьян и других традиционалистских слоев в условиях углубления социально-политического кризиса²². К середине 1990-х годов ряд исследователей разработал

¹⁷ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.

¹⁸ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973; *Протасов Л.Г.* Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

¹⁹ *Белошапкин С.С.* Борьба петроградских большевиков за техническую интеллигенцию в 1917 г. Из истории формирования социалистической интеллигенции. Л., 1972; *Дашевская М.А.* Борьба большевиков Урала за вовлечение интеллигенции в классовую борьбу (март – октябрь 1917) // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972; *Еникоев Э.А.* Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодежи (1905 – февраль 1917 г.). Казань, 1973; *Пешиников В.В.* В.И. Ленин и студенческое движение в России. М., 1973; *Лебедев В.Н.* Участие работников связи в революционном движении в России. М., 1974; *Пушкарева И.М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; *Федюкин С.А.* Октябрьская революция и интеллигенция. История СССР, 1977, № 5 и др.

²⁰ История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анцыферовой. М., 1971.

²¹ См.: Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984; Городские средние слои в трёх российских революциях. М., 1989.

²² См.: *Лурье С.В.* Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 136–173; *Она же.* Метаморфозы традиционного созна-

концепцию общинной революции как наиболее адекватной модели для объяснения аграрных волнений начала XX в.²³ Во второй половине 1990-х годов в числе новых подходов к изучению российской истории чаще стали звучать следующие оценочные категории: «психоментальная интерпретация революции 1917 г.», «механизм эскалации социального психоза» и т.п.²⁴

Постепенно данная проблематика становится предметом обсуждения научных форумов всероссийского и международного уровня, где большое внимание научное сообщество уделяет системообразующим факторам менталитета российского общества: природно-географическим и общинным²⁵. В ноябре 1994 г. и ноябре 1995 г. в Москве состоялись Всероссийские научные конференции, предпочтение на которых отдавалось локальной и бытовой истории, проблемам психологии и психопатологии революционного процесса, этнопсихологии масс, аксиологического и семиотического анализа событий периода 1900–1930 гг.²⁶. Особенности бунтарских погромных настроений горожан в событиях февраля-октября 1917 г. исследовал В.В. Канищев²⁷. Были защищены диссертации по отдельным стратам и слоям населения Черноземного центра: дворянству, крестьянству, солдатам, средним городским слоям²⁸.

ния. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 68, 179.

²³ *Бухараев В.М., Люкин Д.И.* Российская Смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань, 1994.

²⁴ *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²⁵ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996.

²⁶ Революция и человек: социально-психологический аспект / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1996; Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1997.

²⁷ *Канищев В.В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995; *Он же.* Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 2001.

²⁸ *Каверина Г.Н.* Профессиональные союзы непролетарских слоев городских трудящихся Центрального Черноземья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – май 1918 гг). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989; *Канищев В.В.* Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. (по материалам центра России). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; *Орлова В.Д.* Рабочий класс Центрального Черноземья в борьбе за установление и упрочение Советской власти (март 1917 - май 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов. 1988; *Сельцер*

Появляются исследования на стыке истории и психологии, политологии, социологии. Одной из дискуссионных площадок стал журнал «Полис (Политические исследования)»²⁹.

В последнее время историки и политологи стали уделять особое внимание проблеме репрезентации власти, изучению символов, знаков, ритуалов, образов, языковых средств, помогающих решению вопроса легитимности власти³⁰.

Проблему обыденного восприятия царской власти на общероссийском уровне изучает Б.И. Колоницкий³¹. Исследования места человека в революциях начала XX века в России, его мотивационная деятельность, трансформация ментальностей и общественного сознания ныне ведутся на общероссийском и региональном уровне³².

Д.Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России (март 1917 - март 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1990; Щербинин П.П. Городские средние слои Черноземного центра в буржуазно-демократических революциях в России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1992.

²⁹ См.: *Миронов Б.Н.* Русские революции начала XX века: уроки для настоящего // Полис (Политические исследования). 2011. № 5. С. 33–47; *Пантин И.К.* Русская революция как проблема политической философии // Там же. С. 48–69; *Гаман-Голутвина О.В.* Метафизика элитных трансформаций в России // Там же. 2012. № 4. С. 23–40 и др.

³⁰ См.: *Барышева Е.В.* Репрезентация власти как форма конструирования социальной среды // Вестник РГГУ. 2011. № 1 (62). С. 123–131; *Блохина Е.А.* Символическая деятельность и символические практики: концептуальный аппарат изучения репрезентации власти. // Современные научные исследования и инновации. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1668>; *Муратова А.С.* Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67–76; *Щепанская Т.Б.* Символическая репрезентация власти: атрибутика // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 313–326 и др.

³¹ См.: *Колоницкий Б.И.* «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; *Он же.* «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; *Он же.* К изучению механизмов десакрализации монархии. Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция. СПб., 1999. *Он же.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

³² См.: *Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006; *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008; Падение империи, революция и гражданская война в России / Сост. С.М. Исааков. М., 2010 и др.

Тем не менее, проблема взаимовлияния и взаимодействия политического общественного сознания и революционных потрясений на трансформацию политических воззрений и, как следствие, политической культуры населения в революционных событиях первой четверти XX века в России еще недостаточно изучена на мезо- и микроуровне. Требуется комплексное изучение данного вопроса с привлечением региональных исследований для создания более достоверной и яркой картины размаха и глубины политических потрясений в российской провинции в революционном 1917 г.

Цель работы – сформировать представление о состоянии политической культуры тамбовского общества в 1917 г., проследить происходившие в нем изменения.

Исходя из этой цели, решались следующие **задачи**:

- выявить роль и место партий в политической жизни губернии в этот период, их «вклад» в состояние политической культуры населения;
- исследовать создание и деятельность исполнительных комитетов как одно из важнейших проявлений политической культуры 1917 г.;
- выявить роль в политической жизни Тамбовской губернии новых институтов общественного самовыражения – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;
- охарактеризовать психоэмоциональное состояние и эволюцию политического сознания населения к 1917 г. и во время революционных событий;
- изучить изменения восприятия населением «старой» (императорской) и «новой» (революционной) власти с конца 1916 до начала 1918 гг.;
- проанализировать электоральное поведение населения на состоявшихся в 1917 г. выборах (городские думы, уездные, волостные земства, Всероссийское Учредительное собрание) как одно из проявлений политической культуры;
- раскрыть роль «новых» революционных символов, влияние «старых» традиций, их воздействие на массовое политическое сознание населения Тамбовской губернии в революции 1917 г.

Объектом исследования является политическая жизнь российской провинции в 1917 г., Тамбовской губернии, в частности. Она рассматривается как сфера приложения сил власти и социума, различных социальных и общественных слоев, партий, организаций, отдельных личностей как политических деятелей. Учитывая тот факт, что Россия была империей, в которой наличествовали своеобразная «метрополия» (столицы) и внутренние «колонии» (регионы), политическая жизнь в ней также отражала эти особенности. Политическая культура аграрной провинции отличалась от столичной большей локализацией, традиционностью, патерналистским сознанием. Ей было присуще, согласно типизации политических культур

М. Вебера, членение на элитарную (партийно-политическую) и массовую, деление на культуру участия и культуру подчинения.

Предмет исследования – политическая культура населения Тамбовской губернии как развитие в революционных условиях политических установок, верований, символов, мифов, как устоявшихся, так и вновь возникавших в обстоятельствах коренного перелома в жизни общества.

Хронологическими рамками исследования нами избран период с начала 1917 г. по март 1918 г., которыми ограничены важнейшие революционные политические события, проходившие в российской провинции. Применительно к Тамбовской губернии это означало установление большевистской власти под номинальной эгидой советов на всей территории региона, зафиксированное решениями 1-го губернского съезда советов в начале марта 1918 г.

Географические рамки исследования очерчены границами Тамбовской губернии – сугубо аграрного региона. Удельный вес трехмиллионного сельского населения доходил до 90 % всех жителей губернии. Продовольственная база губернии обусловила размещение здесь в годы Первой мировой войны 11 пехотных и 3 кавалерийских запасных полков, других воинских частей, массовый приток беженцев. Это содействовало широкой маргинализации общества и, как одно из ее следствий – активной политизации населения. Принадлежность к Центральной России, как и многократно усиленные военным временем коммуникативные возможности, ускорили втягивание его в общероссийскую политическую практику. В то же время, тамбовские крестьяне продолжали жить в основном в условиях традиционно-общинного быта и по законам «моральной экономики». Крестьяне и большая часть «мещанства» сохраняли монархические архетипы даже в трансформирующейся под мощным воздействием революции политической культуре.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые была предпринята попытка исследовать и сформировать научное представление о состоянии политического сознания, политической культуры общества Тамбовской губернии в 1917 г., проследить трансформацию изменения осознания различных слоев населения (особенно, крестьянства и солдат) своего места в политической жизни региона и всей страны. Кроме того, в научный оборот введено большое количество неопубликованных ранее архивных источников.

Практическая значимость. Результаты диссертации могут быть использованы в качестве научного задела для дальнейших фундаментальных исследований в области истории политической культуры России в начале XX века; в рамках преподавания курсов отечественной истории и спецкурсов по истории Тамбовского края, политической истории России, в преподавании общеисторических и специальных курсов в высшей и средней

школе. Результаты исследования могут быть учтены при подготовке учебных пособий по политической истории России в начале XX века.

Источниковую базу диссертационной работы составляют как архивные неопубликованные, так и опубликованные материалы, воспоминания, периодическая печать.

1. Наибольшей по объему и важнейшей по значению является группа архивных источников. Прежде всего, это документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): Министерства внутренних дел – ф. 102 (Департамент полиции); Министерства юстиции – ф. 124. В данной группе источников использовались отчеты губернаторов и начальников губернских жандармских управлений о настроении населения Тамбовской губернии, политических выступлениях, забастовках и т.д. В фонде Министерства юстиции использовались документы, относящиеся к забастовочному движению и касающиеся общественной активности средних учебных заведений.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) исследованы документы фондов 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода) и 1405 (Министерство юстиции).

Наибольший массив выявленных документов находится в фондах 4 и 1058 Тамбовского государственного архива (ГАТО). Это, прежде всего, делопроизводственные документы: декреты, предписания о смене и дальнейшем функционировании власти, переписка губернаторов с уездными, волостными, сельскими властями и общественными структурами управления, официальные телеграммы, содержащие сведения о событиях в отдельных районах губернии, настроениях населения.

Из дел Ф. Р-1 Тамбовского губернского исполнительного комитета (органа Временного правительства) за 1917 г. в исследовании использовались протоколы пленарных, сессионных и очередных заседаний губисполкома, президиума губисполкома, материалы к протоколам (отчеты, доклады, протоколы и др.), а также губернских съездов Советов.

Фонды канцелярий уездных исполнительных комитетов помогли восполнить исследование материалами (протоколы местных органов управления, съездов, совещаний, жалоб и прошений населения), отсутствующими в фондах губернских канцелярий (Ф. Р-17, – Кирсановский уездный исполнительный комитет; Ф. Р-20 – Моршанский уездный исполнительный комитет).

Многие из этих источников вводятся в научный оборот впервые.

Позиции и воззрения ведущих политических партий (эсеров, большевиков, кадетов) отразились в материалах фондов Тамбовской городской думы (протоколы заседаний, листовки и официальные обращения к населению в периоды выборов).

2. Среди опубликованных источников особо стоит отметить сборники документов, изданные тамбовскими историками. Привлекались к исследованию и материалы различных документальных сборников, изданные в советское время. При всей своей тенденциозности они содержат полезную, в том числе и не сохранившуюся в архивах информацию³³.

3. Важным источником являются воспоминания очевидцев революционных событий в Тамбовской губернии³⁴.

4. В диссертации использованы многие издания центральной и местной прессы различных общественных и партийных организаций, органов власти³⁵.

В целом, можно уверенно сказать, что рассмотренные источники, взятые в совокупности, позволяют достичь поставленные в диссертации цели и задачи.

Методологической и теоретической основой исследования являются традиционные принципы – научная объективность, историзм, системность. Мы стремились быть объективными в том смысле, что избегали и восхищения перед революционными событиями, и огульно критического отношения к ним. Историзм в данном исследовании был необходим для понимания начального этапа формирования политической культуры российского общества, недопустимости оценки ее неразвитости с позиций современного общества.

³³ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007; Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917–1918 годы). Сборник документов. Тамбов, 1957; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): документы и материалы. М., 2003; Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1957; 10-томная серия «Великая Октябрьская социалистическая революция». Документы и материалы. М., 1958–1962 и др.

³⁴ *Андреев Н.* Организация Советской власти в Усманском уезде // За власть Советов. Тамбов, 1957. С. 68–76. *Волконский С.М.* Мои воспоминания. (Театральные мемуары). В 2 т. Т. 2. М., 1992; *Гаврилов И.А.* Борьба за Советскую власть на заводе № 43 и в Тамбове // За власть Советов... С. 7–27; Первые Советы и массы (из воспоминаний о 17-м годе) // Там же. С. 28–30; Лотаревская «Книга судеб»: Дневник князя Б. Л. Вяземского «1917 год» // Наше Наследие. 1997. № 39–40.

³⁵ Борисоглебская жизнь. Орган местной трудовой интеллигенции. 1917; Социал-демократ. 1917; Земля и воля. Известия Шацкого уездного Совета крестьянских депутатов, г. Шацк Тамбовской губернии. 1917; Козловская газета. 1917; Моршанский телеграф. 1917; Наша газета. Липецк. 1917; Солдат и рабочий. Издание Козловского Совета рабочих и солдатских депутатов и военного комитета гарнизона. 1917; Русское слово. 1917; Тамбовский земский вестник. 1917; Усманская газета. 1917; Факел. Борисоглебск. 1917 и др.

Системно-структурный подход, предполагающий изучение взаимосвязанных и взаимозависимых объектов (структур) был применен при анализе новых, созданных революцией общественно-политических институтов местного самоуправления. Структурно-функциональный подход использован при описании и оценке функционирования этих новых структур, возникновении новых политических ритуалов и образов в революционных условиях. Метод ретроспекции был необходим при изучении отдельных элементов политической культуры, формировавшихся на протяжении долгого времени, и к 1917 г. повлиявших на общее восприятие жителями Тамбовской губернии новой власти (сохранение «наивного» монархизма, патерналистского сознания, возникновение осознанных революционных представлений). Сравнительно-исторический метод позволил рассмотреть события революции 1917 г. в Тамбовской губернии на общем «фоне» с другими регионами России. Специфика исследования предполагала использование междисциплинарного подхода, позволившего изучить особенности психоэмоционального состояния, причины девиантного поведения людей в российской провинции к 1917 г. и влияние данного поведения на политическую культуру общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Февральская революция 1917 г. вызвала к жизни в стране, в Тамбовской губернии в частности, резкий всплеск партийно-политической активности. Идеи правых социалистов (эсеров и меньшевиков) пользовались популярностью, особенно среди деревенского населения губернии. Партия либерального толка (кадеты) была поддерживаема, в основном, интеллигенцией, другими средними слоями города; революционно настроенные большевики имели сторонников среди немногочисленных в Тамбовской губернии рабочих и радикально настроенных солдат, которые идеи большевиков постепенно распространяли в тамбовской деревне.

2. Формирование Общественных исполнительных комитетов проходило стихийно, часто, без участия политических сил и партий Тамбовской губернии. Эти органы самоуправления преобладали в тамбовской деревне. Их деятельность ограничивалась, в основном, решением хозяйственно-экономических, но не политических вопросов.

3. Возникавшие параллельно с Исполнительными комитетами Советы создавались под руководством и активным участием в них эсеров и меньшевиков, популярность программ которых в губернии обуславливала широкую поддержку и самих Советов. Как и комитеты, советы объединяли все слои населения ради защиты революции и решения социально-экономических задач.

4. Политическая сдержанность комитетов и советов отвращали от них население. К лету 1917 г. настал кризис доверия Советам, который, однако, не помешал большевикам после захвата власти в стране в октябре 1917 г.

использовать этот новый институт революционного управления для укрепления своего авторитета среди тамбовского населения.

5. Падение самодержавия и революция в России были восприняты населением, особенно, крестьянами и солдатами, как пришедшая всеобщая свобода. Повсюду смещались, либо, изгонялись представители «старой» власти, часто, без создания власти «новой» (особенно, в отдаленных, «глухих» углах Тамбовской губернии). Деревня активно и самостоятно делила как землю, так и имущество землевладельцев и церкви.

6. Политическая жизнь, хотя и проникла во все слои общества, тем не менее, не стала привлекательной в среде обывателей, которые не видели за ужасами, пришедшими вместе с революцией, реальных возможностей и авторитета власти новой. Вставшие у власти большевики не воспринимались и не принимались населением Тамбовской губернии как реальная власть, способная на налаживание постреволюционной жизни.

7. Подготовка и выборы в органы местного самоуправления и Всероссийское Учредительное собрание проходили в обстановке социальной напряженности, политической и правовой безграмотности населения и отражали не только общее политическое сознание и культуру рассматриваемого нами региона, но и всей России, которая на 80 % по социальному составу была крестьянской.

8. С революцией 1917 г. в провинцию из столиц проникает новая политическая символика, образы и ритуалы, которые, оказывая влияние на политическое сознание тамбовского сообщества, являлись порождением революционной квазирелигиозности и становились для населения сакральными.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы изложены автором в шести публикациях, в том числе в трех статьях, изданных в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК («Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики»; «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки»); представлены в докладах на общероссийских («Державинские чтения» 2012, 2014 в Тамбове) и областной научной конференции и Липецке (2013). Диссертация обсуждена на кафедре российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определены объект, предмет исследования, выделяются хронологические и географические рамки исследования, устанавливается степень изученности темы, и на этой основе формулируются цель и задачи диссертации, характеризуются его источниковая база, теоретико-методологические подходы, определяются научная новизна и практическая ценность полученных результатов.

В первой главе **«Политическая элита Тамбовской губернии в новой реальности (февраль 1917 – март 1918 гг.)»** охарактеризована политическая жизнь, проанализирована работа партийно-политических и властных институтов Тамбовской губернии в 1917 г.

В **первом параграфе «Политические партии: организация, кадры, формы деятельности»** рассматривается работа основных политических партий и их членов в Тамбовской губернии в 1917 г.

Февральская революция 1917 г. вызвала резкий всплеск политической активности. В стране в чрезвычайно короткий срок появляются десятки партий. Тамбовские либералы (были представлены Партией народной свободы (кадеты)) ограничились своей активностью участием в работе городских дум, пытаясь повлиять на принимаемые ими решения не столько посредством подключения тех или иных слоев горожан, сколько путем публичных обсуждений на думских заседаниях. Персональный состав губернского комитета партии по социальному происхождению не отличался от состава ЦК: интеллигенция, дворяне, часть средних слоев города. Основой своей политики в 1917 г. кадеты провозгласили поддержку Временного правительства и созыв Учредительного собрания. Но, ведя страну к Всероссийскому Учредительному собранию, они намеренно тормозили процесс, ожидая спада революции.

На протяжении почти всего 1917 г. в Тамбовской губернии преобладало влияние *эсеров* и *меньшевиков*. Их представители имели большинство мест в городских думах и советах всех уровней: от губернского до уездных, городских и волостных. Реализуя свои программные и социальные установки, тамбовский комитет ПСР в лице своих лидеров принял активное участие в воссоздании Всероссийского Крестьянского союза в марте-апреле 1917 г.

Эсеры контролировали в Тамбовской губернии большинство других общественно-политических объединений, существовавших до 1917 года и созданных на волне революции. Они инициировали воссоздание существовавшего еще во время Первой русской революции Крестьянского союза как одного из отделений Главного комитета Всероссийского крестьянского союза.

Говоря о преимущественном положении ПСР в Тамбовском регионе в 1917 г., следует отметить, что она, фактически, являясь правящей, к осени окончательно заняла все ключевые руководящие посты.

В межреволюционный период социал-демократическое движение в Тамбовской губернии пребывало в упадке. Февраль 1917 г. подтолкнул их к самоорганизации. Характерной чертой губернии было наличие здесь только объединенных организаций РСДРП с явным лидерством *меньшевиков*. *Большевиков* насчитывались единицы, которые были одиночками, не имевшими связи с центральными органами партии. Они охотно шли на объединение с меньшевиками и потому, что помнили о совместной борьбе с общим врагом – самодержавием, и потому, что политические разногласия между двумя течениями российской социал-демократии стали выявляться только с приездом В.И. Ленина из эмиграции, с апреля–мая 1917 г. Возникло коалиционное Временное правительство с участием меньшевиков. К осени 1917 г. жители теряли интерес к политике, разочаровывались властью. На этом психологическом фоне обещания большевиков дать народу немедленные мир и землю, созвать Учредительное собрание находят немалый отклик у населения губернии. При относительной устойчивости социалистических симпатий в губернии замечался заметный рост большевистских настроений.

Во **втором параграфе** «*Уездные и волостные исполнительные комитеты*» анализируется особенность создания и деятельность новых местных властных институтов. Сразу по получении известий о революционном перевороте в столице в Тамбовской губернии стали формироваться новые органы власти под названием общественных исполнительных комитетов. По социальному составу комитеты строились на беспартийной, коалиционной основе, в них заседали представители различных общественных организаций. Деятельность созданных «снизу» местных комитетов не была закреплена законодательно, их инициативы воспринимались губернской властью с недоверием, а сами общественные органы воспринимались правительственными чиновниками как помеха. Ближе к лету деятельность исполнительных комитетов все более переключалась на административно-хозяйственные дела; и без того немногочисленные политические вопросы отошли на второй план. Борьба за политическое влияние переместилась в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Хотя упоминания о деятельности отдельных уездных комитетов встречаются и в октябрь–ноябре, их существование к тому времени было номинальным.

В **третьем параграфе** «*Советы депутатов и общественное самоуправление*» рассматриваются особенности формирования и воздействие на массовое политическое сознание советских органов самоуправления. С первого дня победы Февральской революции в столицах и на местах начинают создаваться новые институты общественного самовыражения –

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К 20-м числам марта Советы рабочих и солдатских депутатов возникли в Козлове и Моршанске.

Сохранившиеся документы не содержат сведений о партийном составе Советов губернии в 1917 г. Отчасти это было проявлением «беспартийной революционности», характерной для этого времени. Лишь затем, по примеру столичных советов, в них стали появляться партийные фракции, с членством, фракционной дисциплиной, но это не было повсеместным явлением в губернии.

Советы считали своей главной задачей распространять революционные идеи среди городских жителей. Для этого практиковались гала-представления, концерты, перераставшие в митинги, лотереи, народные гуляния, в ходе которых проводился сбор средств «в пользу революции». Такого рода деятельность советов Тамбовской губернии была характерна вплоть до июльских событий в Петрограде.

Многие общественные группы либо вообще не имели своих представителей в Советах, либо их представительство было чисто декоративным. Июльские события показали слабость и разобщенность системы самоуправления. Не были исключением и Советы. Они не смогли найти пути выхода из политического кризиса на общенациональном уровне.

Первые крестьянские советы появились в губернии летом 1917 г. Но массово в тамбовской деревне Советы стали создаваться к началу 1918 г. Волостные Советы губернии, формально став властью на местах, не до конца вписались в новую политическую систему, что довольно скоро обнаружила «Антоновщина». Большевизированные Советы в деревне начала 1918 г., по сути, продолжали эсеровскую линию земельной политики. Теперь это работало на большевиков. Психологически деревня приняла новые Советы как продолжателей разумной, приемлемой для крестьян земельной и экономической политики. Тем более, что новая форма организации волостной власти должна была заменить отжившие земельные комитеты, созданные еще Временным правительством, олицетворявшие пережившую самое себя постфевральскую революционную власть.

Вторая глава **«Динамика и структура массового общественного сознания»** посвящена оценке уровня политической культуры и массового сознания отдельных слоев тамбовского общества в 1917 г.

В **первом параграфе** *«Эволюция политического сознания населения в 1917 г.»* комплексно рассмотрено влияние революции 1917 г. на политическое сознание населения Тамбовской губернии.

Падение монархии и смена государственного строя в России в Феврале 1917 г. не оставили равнодушным *крестьянский* мир. И, хотя вера в царя была уже внешне утеряна, «наивный монархизм» еще не был стерт из

крестьянского сознания и проявлялся, прежде всего, в характере восприятия крестьянами новой власти в лице Временного правительства.

Первоначальная реакция крестьян на известие о свержении монархии, пришедшее в тамбовскую деревню в начале марта 1917 г., была шоковой, наступила растерянность в обстановке внезапно наступившего безвластия. Но уже вскоре сельские жители сориентировались в ней и, действуя не столько по политическому расчету, сколько руководствуясь мужицким практическим умом, стали изгонять из своей среды лиц, настроенных против общины, неугодных им сельских должностных лиц, нередко ставленников крупных землевладельцев. Крестьяне не «впускали» политику глубоко в себя и зачастую играли на этом, используя свой аполитизм как защитное средство. Производя погромы, они оправдывали их своей безграмотностью, отсутствием кругозора, темнотой, не без политического лукавства перекладывая вину за содеянное на царя и его чиновников.

В целом массовое сознание *солдат* было изоморфно крестьянскому. Именно солдаты подогревали градус политической обстановки в губернии своими настроениями и действиями в деревне, а еще более – в городах. Именно солдаты (отпускники, посланные на полевые работы ополченцы, партийные агитаторы, наконец, дезертиры) с лета 1917 г. широко распространяли в тамбовской деревне разрушительный вирус анархизма, который мог подаваться и в большевистской и в эсеровской трактовке, но воспринимался крестьянами прежде всего как призыв к немедленным антипомещичьим действиям.

Политической консолидации *офицерства* не было, и быть не могло. Напротив, в нем усилились центробежные тенденции на почве политизации, особенно по мере «углубления» революции. Демократически настроенные офицеры охотно включились в работу всевозможных советов и комитетов, пытались установить товарищеские отношения с солдатами в духе нового времени, вошли в социалистические партии. Другая часть, не обязательно монархическая, имела веские основания видеть в этом разрушение армии, подрыв ее боеспособности, подозревать коллег в заигрывании с солдатами ради карьеры.

В отличие от промышленных центров России *рабочих* кадровых, оторванных от крестьянского надела, в Тамбовской губернии было всего несколько десятков тысяч, намного меньше солдат и в разы меньше, чем крестьян. Их ментальность и политическое сознание во многом было обусловлено сельскими корнями – крестьянским происхождением и сохранением тесной связи с крестьянской общиной. Оставаясь, в большей мере, урбанизированными крестьянами, нежели городскими рабочими, они и смену власти восприняли в общинном ключе. Отречение царя не вызвало в их среде особой реакции. С революцией и свободой практически во всех рабочих коллективах возникают профессиональные союзы, но никаких

принципиально новых требований рабочие не предъявляли. При обращениях к властям содержалось неременное указание на поддержку правительства. Поняв устойчивость и решительность новой власти в лице Временного правительства, рабочие приняли ее, не втягиваясь в политику. Их инертность убедительно подтверждается крайне слабым участием заводских коллективов в органах управления губернией при коммунистах, когда рабочее происхождение стало весомым карьерным фактором, открывая «путь наверх». Рабочих в местных властных структурах почти не было, процент их участия в решениях политически важных для региона вопросов балансировал на уровне статистической погрешности, стремясь к нулю.

Хотя *интеллигенция и другие средние слои города* с восторгом встретили и с энтузиазмом приняли Февраль, организованные ими профсоюзы с большой осторожностью обращались к политическим вопросам. Ориентируясь на защиту экономических и трудовых прав своих членов, они прибегали к острым формам борьбы (бойкоты, забастовки), но для разрешения именно хозяйственных проблем. Выходцы из городских средних слоев возрождали и возглавляли партийные комитеты всех политических направлений – от кадетов, чьи партийные кадры были почти исключительно интеллигентскими, до большевиков, определяли формы деятельности, готовили пропагандистскую литературу, обслуживали партийную прессу.

Революция создала условия для приобщения к политической жизни *женщин*. Женщины заметно преобладали среди избирателей во Всероссийское Учредительное собрание, что легко объяснимо военными мобилизациями: среди всех избирателей губернии – 918 тыс. женщин, 762 тыс. мужчин. При этом и явка на избирательные участки в целом по губернии у женщин составляла 75 %, среди мужчин – только 68 %.

Второй параграф *«Общественное восприятие власти»* раскрывает проблему восприятия населением «старой» и «новой» революционной власти в 1917 г. Уже накануне в условиях затяжных и казавшихся бесперспективными военных действий, тяжелой экономической ситуации, кризиса поземельных отношений, в обществе сложился негативный образ власти, олицетворением которой выступал Николай II, члены императорской семьи и приближенные к венценосной фамилии. Негативное отношение российского населения к царю подогревалось слухами о тайных связях императрицы и Григория Распутина и его возможном влиянии на Николая II. В городах и селах Тамбовской губернии со вниманием читались и обсуждались газетные статьи, в которых выражения «темная сила» и «неведомая рука» намекали на Распутина. Убийство Распутина декабре 1916 г. уже не могло изменить восприятие населением царствующего дома. К середине 1917 г. интерес к бывшему императору в тамбовском обществе падает. Участие в выборах революционной власти, повседневные заботы о «хлебе насущ-

ном» отдалили, а по прошествии времени полностью стерли образ императора из сознания российского обывателя.

Новая, революционная центральная власть населением губернии в первые, мартовские дни одобрялась и воспринималась как желанная, народная. *Крестьянство* откликнулось на ослабление власти массовым движением за ликвидацию царской полиции, заменяя ее народной милицией. Тем не менее, стоит заметить, что деревня при этом не боролась с административной политикой Временного правительства, направленной на решение первоочередных и насущных проблем. Отношение к власти у *рабочих* выражалось, прежде всего, в резолюциях и постановлениях общих собраний. Главным раздражающим фактором была продолжавшаяся война. Все первые резолюции рабочих в адрес Временного правительства касались военного вопроса. При сохранении патерналистского типа массового сознания населения, особенно в сельской местности, насильственное свержение сакральной монархической власти было одновременно и мощным ударом по авторитету верховной власти вообще, как таковой. Тем не менее, осенняя избирательная кампания в Учредительное собрание и склонение в дальнейшем выбора населения в сторону большевиков, могло быть выражением симпатии к монархии, ввиду отсутствия достаточного политического опыта и представления населения только о двух формах власти: монархии и Временного правительства.

В третьем параграфе «Электоральное поведение тамбовского избирателя (лето-осень 1917 г.)» рассмотрены особенности подготовки и проведения выборов в муниципальные органы власти, динамика голосования и итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Революционный 1917 г., открыв перед российским обществом альтернативный авторитарному демократический путь развития, способствовал работе гражданских институтов. В то же время, смена общественно-политического строя и взятый Временным правительством курс на демократизацию страны выявили проблемы во всей системе органов государственного и местного самоуправления.

Временное правительство подготовило реформу местного самоуправления. Согласно новому закону, избирательными правами наделялись все слои сельского и городского населения, в том числе солдаты гарнизонов. На фоне весенней митинговой активности горожан летом их интерес к политике угас. Организаторы выборов столкнулись с проблемой политической апатии и правовой безграмотности горожан уже на этапе работы с избирательными списками. На прошедших летом-осенью выборах в городские думы отмечалась низкая явка избирателей: в Тамбове – 34 %, в Моршанске – 37,9 %, Шацке – 38 %, Кадоме – 39 %, Темникове – 45,1 %, Кирсанове – 55 %. Абсентеизм избирателей можно объяснить отсутствием политического опыта у основной массы населения. К тому же, среди изби-

рателей значительную часть составляли неграмотные (к примеру, в Тамбове таких было 45 %). Кроме того, новый избирательный закон, отменив имущественные и сословные цензы, предоставил право голоса всем гражданам с 20 лет. Россия, тем самым, имела самый низкий возрастной избирательный ценз, что для населения было непривычно. Как по городам, так и по губернии в целом большинство голосов получили эсеровские либо объединённые эсеро-меньшевистские списки.

Проходившие летом-осенью 1917 г. выборы в земства, особенно впервые проводимые волостные, которые и по стране, и по Тамбовской губернии растянулись по времени, выявив политическую апатию сельских избирателей. Крестьянство уклонялось от выборов, воспринимая право голоса как принуждение, отвлекавшее их от более «важных» дел. В результате, выборы во многих уездах были сорваны по причине низкой явки избирателей.

В отличие от местных выборов выборы во Всероссийского Учредительного собрания были общенациональными, и в этом смысле первыми в истории страны. Соответственно идеологическая и агитационно-пропагандистская кампания имела беспрецедентный размах, убеждая население, что именно Учредительное собрание, и только оно, окончательно установит форму власти в России и утвердит революционные завоевания, уже достигнутые или всеми ожидаемые.

Результат выборов в Учредительное собрание по России определяли крестьяне, составившие 80 % всего электората. Приметой времени стало активное участие в выборах в Учредительное собрание женщин. Хотя выборы проходили по партийным спискам, об осознанном политическом выборе электората говорить трудно. Население в основной массе не разбиралось в них и на выборах в Учредительное собрание голосовало не за партии и их программы, а за обещания, которые давали приезжающие от них представители-агитаторы. Пришедшие на участки иногда предлагали свои кандидатуры, вписывая их в избирательные бюллетени, делая их недействительными.

Проходившие с весны до глубокой осени 1917 г. в Тамбовской губернии разнообразные выборные кампании носили политический характер и обнаружили поверхностный характер массовой политической культуры, не только в сельской местности, но и в городах, где итог выборов оказался зависимым от внешней силы – солдат, временно оказавшихся здесь. Общество, привыкнув к самой системе выборов в ходе муниципальных избирательных кампаний и показав полное равнодушие к деятельности и самому существованию власти местной, более в силу необходимости участвовало в выборах в общероссийский представительный орган в надежде на скорейшее изменение общей ситуации в стране.

В четвертом параграфе «Формы самовыражения массовой политической культуры» рассмотрено появление новой политической революци-

онной символики, ритуалов, образов и их влияние на массовое политическое сознание населения.

Революции, уходя в прошлое, оставляют после себя мифы, образы, ритуалы как знаки, маркирующие политическую культуру своего времени. Во всех городах губернии проходили митинги и демонстрации. Везде в городах демонстранты захватывали полицейские участки и тюрьмы, выпуская не только политических заключенных, если они там были, но и уголовных, видя в них жертв несправедливого строя. Всюду, в том числе и в селах, разоружали и арестовывали чинов полиции, этим спасая их от самосуда разгоряченной толпы.

Революционные песни, красные флаги и ленты на груди выступали внешним элементом новой политической культуры. Революционный песенный репертуар не исчерпывался старыми, ставшими классическими песнопениями. Появлялись новые стихи, часто ложившиеся на уже известную музыку. Так, использовалась ритмика «Марсельезы», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу», что приводило, в итоге, к появлению их текстовых интерпретаций (многочисленные варианты «Народной марсельезы» – яркое тому подтверждение).

Революция формировала новый язык. Она породила бесчисленное количество резолюций, призывов, обращений и прочих форм, сама стала самым популярным словом в лексиконе эпохи, повторяемым как магическое заклинание. Со сменой политического режима появились новые образы, ритуалы, изменились старые и вводились новые традиции. Патриархально-религиозное сознание российского социума, отбросив в одночасье ставшую бесполезной имперскую символику, создало символику революционную, постепенно проникавшую из столиц в жизнь российской провинции. Революционная квазирелигиозность заменила старую религию новыми атрибутами ритуалистики, ставшей в условиях новой действительности наравне с политикой для российского общества сакральной.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

Политическая культура представляет собой многогранное явление, исторически развивающийся феномен. Рассматривая его как систему ценностей, символов, верований и установок на политическое действие, следует признать, что и проявляется политическая культура, прежде всего, через политическую деятельность. В когнитивном плане максимальные ресурсы для ее конкретного изучения дает эпоха революций, поскольку каждый из революционных всплесков сам по себе является предельно полным выражением политической культуры и всем предоставляет шанс показать себя всем заинтересованным участникам исторического действия.

Этот тезис вполне подтверждается всей политической историей Тамбовской губернии в 1917–1918 гг. Февральская революция 1917 г. и свержение монархии создали совершенно новую политическую реальность.

Старая, императорская, власть была не только сброшена с ее пьедестала, но и утратила в глазах большинства свою сакральность, что свидетельствовало о начале перехода от подданных отношений к отношениям гражданским. Еще важнее, исходя из специфики тамбовского общества, в подавляющем большинстве своем крестьянского, было то, что политическая деятельность отныне не только допускалась, но и поощрялась, приобретая все новые и самые разнообразные формы выражения.

В сложной системе координат политической культуры основными являются два измерения: институциональное, выраженное в деятельности политических институтов, и массовое, выражающееся в определенных политических настроениях и соответствующих им формам поведения.

Центральным компонентом сферы политики является власть. Как и в целом в России, в Тамбовской губернии в марте–апреле 1917 г. царил атмосфера революционной эйфории, проявлявшейся в психологическом подъеме, росте оборонческих настроений, практически единодушной поддержке Временного правительства, интересе к политическим партиям. Почвенный монархизм с такой стремительностью сменился массовым республиканизмом, что ставит под сомнение искренность и необратимость такого перевоплощения, тем более в крестьянском, по сути, социуме.

Нагляднее всего политическая культура общества проявляется в деятельности политических партий, ее формирующих и выражающих. В Тамбовской губернии она проявлялась в сравнительно слабой дифференциации основных политических партий, в отсутствии того накала межпартийной борьбы, которая отличала столицы и крупные промышленные центры, с их ярко выраженной социальной стратификацией.

Показательно, что большевики «сожительствовавали» с меньшевиками вплоть до осени 1917 г., что в Тамбовской губернии не сложилось до самого октября того состояния, которое принято обозначать как двоевластие. Это было обусловлено не только слабостью большевиков, но и политическим компромиссом между либералами и умеренными социалистами.

Новая политическая реальность убедительно проявилась и в том, что вчерашние подданные превратились из объекта политического управления в субъект политического процесса. Были созданы новые органы власти и самоуправления – внепартийные общественные исполнительные комитеты. Это в значительной мере проявлялось и в том, что можно назвать бихевиоризмом, то есть «поведенческим» проявлением массовой политической культуры. «Точками роста» здесь, как и по всей революционной России, были города. Но в стране было немного мест, где бы так явно проявилась «обратная связь» между городом и деревней в общеполитическом смысле, как именно в Тамбовской губернии. Позиция крестьянства, насколько о ней можно говорить как о политической, учитывая ее социальную направленность, подчас становилась приоритетной. Именно деревня

дала тамбовским эсерам целый ряд партийных деятелей и функционеров, обеспечила им полную победу в губернии на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 г. и своими самочинными действиями фактически продиктовала принятые губернскими съездами крестьянских депутатов радикальные решения по земельному вопросу весной 1917 г. и осенью того же года «Распоряжение №3». Наконец, выйдя за пределы темы, заметим, что антибольшевистское крестьянское повстанчество, широко разлившееся по Тамбовской губернии в 1918–1921 гг., хотя и шло под эсеровскими лозунгами, но вопреки запретам партийного центра. В рассматриваемое время политическая культура только начинает формироваться.

Основные положения диссертации отражены в 6 публикациях автора:

Статьи в изданиях из Перечня, утвержденного ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Колчинский, Д.В.* Февральская революция 1917 года на страницах газеты «Тамбовский земский вестник» [Текст] / Д.В. Колчинский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1. Ч. 1. С. 102–105 (0,3 п.л.).

2. *Колчинский, Д.В.* Уездные и волостные исполнительные комитеты в Тамбовской губернии в 1917 г. [Текст] / Д.В. Колчинский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11 (139). С. 267–271. (0,5 п.л.).

3. *Колчинский, Д.В.* Формы самовыражения массовой политической культуры в 1917 г. (по материалам Тамбовской губернии) [Текст] / Д.В. Колчинский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (142). С. 231–237. (0,6 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

4. *Колчинский, Д.В.* Восприятие царской власти сельским населением Тамбовской губернии в конце 1916 – начале 1917 г. [Текст] / Д.В. Колчинский // XVIII Державинские чтения. Институт гуманитарного и социального образования: Мат-лы Общерос. науч. конф. / Отв. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 125–128. (0,2 п.л.).

5. *Колчинский, Д.В.* Самоуправление тамбовских крестьян в новой политической парадигме (весна–лето 1917 г.) [Текст] / Д.В. Колчинский // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI века: Мат-лы научно-практической конференции. Липецк, 2013 С. 178–184. (0,4 п.л.).

6. *Колчинский, Д.В.* Солдатская пропаганда и трансформация политических настроений крестьян Тамбовской губернии весной-летом 1917 г. [Текст] / Д.В. Колчинский // XIX Державинские чтения. Институт гуманитарного и социального образования: Мат-лы Общерос. науч. конф. / Отв. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 31–37. (0,3 п.л.).

Общий объем публикаций автора составляет 2,3 п.л.

Подписано в печать 24.02.2015 г. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 1,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 1074. Бесплатно.

Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина.

392008, Тамбов, ул. Советская, 190г.

Отпечатано в типографии Издательского дома ТГУ имени Г.Р. Державина

392008, Тамбов, ул. Советская, 190г.